

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КАСПИЙСКИЙ АКЦЕНТ¹

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Черничкин Дмитрий Алексеевич, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: chernichkin95@mail.ru

Статья посвящена изменениям в традиционном понимании безопасности, связанным с перемещением акцента от военных угроз к социокультурным. Дан краткий анализ двух концептов безопасности: культурной и социетальной, показана специфика концепта социетальной безопасности, недостатки и преимущества его использования. В центре обоих концептов лежит понятие коллективной культурой идентичности, изменения которого связаны с целым рядом внешних и внутренних факторов. Современный меняющийся мир всё чаще провоцирует трансгрессионные процессы, связанные с приобретением новой идентичности (смена пола, гражданства, конфессиональной принадлежности, профессиональной деятельности и т.д.). Люди с посттрансгрессионной идентичностью воспринимаются консервативным большинством как угроза, посыл к укреплению системы безопасности. Они разрушают привычные стандарты и в том числе изменяют коллективную культурную идентичность. Однако стоит учитывать, тот факт, что усиление системы безопасности чревато ограничениями свободы и ответными актами культурной трансгрессии. В рамках системы социетальной безопасности коллективная идентичность является неким «цементом», связывающим социетальное сообщество. Эта связующая идентичность может быть не только этнической, государственной, конфессиональной, но и в определённых случаях региональной, когда человек воспринимает свой регион как социетальное сообщество. Однако иногда пространственная ограниченность концепции может служить операциональным преимуществом. Если применить её к Каспийскому макрорегиону, то она позволит посмотреть на него комплексно, с учётом рисков не только социокультурного, но и экономического, экологического аспектов его существования.

Ключевые слова: культурная безопасность, социетальная безопасность, риски, угрозы, идентичность, коллективная идентичность, Каспийский макрорегион

COLLECTIVE IDENTITY IN THE CONCEPT OF SOCIAL SECURITY: THE CASPIAN ACCENT

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Chernichkin Dmitriy A., undergraduate student
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: chernichkin95@mail.ru

The article is devoted to the changes in the traditional approach to security, associated with the shift of emphasis from military to socio-cultural threats. The article gives a brief analysis of two concepts of security: cultural and societal, shows the specificity of the concept of societal security, the disadvantages and advantages of its use. At the heart of both concepts is the notion of a collective culture of identity, the changes of which are associated with a number of external and internal factors. The modern changing world is increasingly provoking

---

¹Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 18-78-10064 «Трансформация механизмов формирования посттрансгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве». (The work was supported by the RNF, project No. 18-78-10064 "Transformation of the mechanisms of formation of the post-transgression model of religious identity in the modern information space".)

transgression processes associated with the acquisition of a new identity (change of sex, citizenship, religious affiliation, professional activity, etc.). People with posttransfusional identity perceived by the conservative majority as a threat, a promise to strengthen security. They destroy customary standards, including changing collective cultural identity. However, it is necessary to take into account the fact that the strengthening of the security system is fraught with both restrictions of freedom and reciprocal acts of cultural transgression. Within the framework of the system of social security, collective identity is a kind of "cement", connecting the social community. This connecting identity can be not only ethnic, state, confessional, but also in certain cases - regional, when a person perceives his region as a social community. However, in certain cases, the spatial limitations of the concept may be an operational advantage. If we apply it to the Caspian macro-region, it will allow us to look at it comprehensively, taking into account the risks of not only socio-cultural, but also economic and environmental aspects of its existence.

Keywords: cultural security, societal security, risks, threats, identity, collective identity, Caspian macroregion

Проблемы безопасности продолжают оставаться в научном тренде, умножая и дробя сектора исследования. Формулируются новые направления изучения безопасности, отражающие проблемы и угрозы текущего момента. Уже к концу XX в. фокус исследования перемещается из военной сферы в социальную. Объектом защиты становится не только государство, как основной актор социума, как это было ранее, а и общество в целом, гражданское общество, индивид, а также локальные социальные группы, в том числе этнические меньшинства, маргиналы и т.д. Глобальное общество рождает новые риски, связанные с массовыми перемещениями людских потоков, появлением нетрадиционных конфессиональных организаций, формированием новых или трансформацией и усилением старых микросоциальных групп и столкновением их с традиционными формами социальной и культурной жизни, которые ещё занимают достаточно большое культурное пространство, преимущественно на окраинах мегаполисов и вне их. Параллельно формируется мощное виртуальное пространство, в котором находят отражение все процессы, происходящие в социуме. Оно представлено мозаикой сообществ, из которых складывается своя виртуальная социальная паутина, обладающая невиданными ранее возможностями. Появляются новые риски не только для самой сети, но и для социума в целом, расширяется спектр проблем безопасности.

Представители классической американской школы безопасности (J.E. Findling, J.S. Nye, S. Lynn-Jones etc.) и ряд российских исследователей (Л.Н. Анисимов, З.С. Белоусова, Н.С. Бирюков, И.П. Блищенко, С.Н. Власов, В.Д. Кудрявцев и др.) до сих пор отождествляют безопасность прежде всего с государственной, национальной защищённостью от военных угроз и, соответственно, считают процесс поддержания системы безопасности преимущественно сферой международных отношений. После окончания холодной войны, в 1994 г., Организация Объединённых Наций представила на одном из своих собраний доклад, содержащий новую концепцию обеспечения безопасности человека [9]. В ней заключался призыв к изменению парадигмы в концептуализации понятия «безопасность» и подчёркивалась необходимость переориентации данного понятия с государства на личность и сообщества. С этого момента безопасность была определена как «защита людей от физических и психологических угроз, обеспечение достоинства и благополучия» [8].

В последнее время всё больше исследователей переносят вопрос безопасности из военной в социальную сферу. В Европе, с известными оговорками, данный подход разделяют три научные школы: Уэльская (Валлийская), Копенгагенская и Парижская. Сторонники всех трёх школ существенно расширяют рамки безопасности (включая в это понятие помимо военной также экологическую, экономическую, политическую и социальную), а в качестве объекта защиты рассматривают не только государство, но и различные учреждения, отдельных людей, группы, сферы деятельности и даже биосферу. В исследовательском пространстве появляется достаточно большое количество теорий, связанных с различными аспектами безопасности социума: духовная, конфессиональная, социальная, культурная, миграционная и т.д. Каждая из этих теорий так или иначе рассматривает угрозы и риски, а также способы защиты своего сектора социума, зачастую не всегда учитывая сложную систему взаимосвязей.

От культурной безопасности к социальной. Западные исследователи начали разрабатывать социально-культурные аспекты безопасности во второй половине XX в., а уже к концу века такие термины, как социальная и культурная безопасность, прочно вошли в науч-

ный оборот. В концепте культурной безопасности основным предметом исследования является культура в целом и факторы её сохранения. Мы достаточно подробно писали ранее о процессе формирования концепции культурной безопасности в зарубежных и отечественных исследованиях [20]. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (например, предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания.

Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание нарабатываемых культурных паттернов во многом способствует её стабилизации. Таким образом, система культурной безопасности нацелена как на сохранение и защиту культуры, так и на формирование устойчивой системы безопасности в целом. Сохранение культурной безопасности не означает стагнацию культуры, её консервацию и подавление в зародыше всех инновационных тенденций и взаимных культурных влияний. Самым важным аспектом культурной безопасности, как видим, считается защита от всевозможных угроз для целостности культуры. Основными факторами, скрепляющими культурные ценности, считаются традиции, алиментарная культура, язык, общая этническая и религиозная принадлежность, разделяемая данной группой система коммуникаций и т.д. Именно эти элементы визуально наиболее репрезентативно представляют культуру любого народа. Однако в процесс её развития любая культурная традиция, сталкиваясь с чужими культурами, подвергается определённому влиянию. Давая определение культурной безопасности, отечественные исследователи часто дефинируют её весьма расплывчато: либо как «социальный термин, который отражает социокультурные возможности общества и его членов, направленные на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы), и создание благоприятных условий для культурной жизни общества» [11, с. 123], либо как «форму безопасности, которая включает социокультурные ресурсы общества, направленные на преодоление рисков и угроз для культурно-духовного состояния общества и духовной культуры его членов» [12, с. 71]. Некоторые исследователи рассматривают культурную безопасность как составную часть информационной безопасности [15]. Далеко не все исследователи согласны со смысловым наполнением этого термина. Ещё больше вопросов вызывает понятие социетальной безопасности, постепенно входящее в научный оборот.

Понятие «социетальный», близкое в русском, да и в английском языке понятию «социальный» (social, societal), укоренилось в общественных науках, прежде всего в западной социологии. В основе его в определённой степени лежит взгляд на общество Т. Парсонса, основанный на представлении о социуме как системе интеракций в поле сложного сконструированного пространства как системы социальных, физических, экономических его составляющих. Именно под его влиянием формируется «исследовательский конструкт “социетальная социология”, который приводит нас к изучению социетальных характеристик общества, и позволяет нам понять общество особым образом» [16, с. 423]. Надо отметить, что термин «социетальный» в трактовке Парсонса достаточно расплывчат и оставляет поле для комментариев и анализа. Понятие «социетальный» часто считают либо опечаткой, либо тождественным понятию «социальный». Однако если термином «социальный» обозначают все процессы, связанные с обществом, то термин социетальный употребляют преимущественно по отношению к процессам и отношениям в наиболее сложных социальных системах с развитым управлением [17], разветвлёнными социальными структурами, институтами и организациями, которые тесно связаны друг с другом и взаимодействуют, выполняя многочисленные функции [13].

Главным общенациональным понятием социетальной социологии стало понятие «социетальное сообщество» (societal community). «Как таковое оно создаётся структурированным нормативным порядком и набором статусов, прав и обязанностей его членов, причём характер этого набора может варьироваться для различных подгрупп сообщества. Для выживания и развития социетальное сообщество должно придерживаться единой культурной ориентации, разделяемой в целом (хотя и не обязательно единообразно и единодушно – А.Р., Д.Ч.) его членами в качестве основы их социальной идентичности» [19, с. 102].

Социетальное сообщество зависит от культурной ориентации системы, которая, кроме всего прочего, является главным источником легитимации её нормативного порядка и имеет адекватный уровень интеграции (или солидарности) и отличительный статус членства [19,

с. 108–109]. И здесь социетальная сфера имеет поле пересечения с культурной. Однако важным отличительным моментом в понимании социетального сообщества является тот факт, что его участники должны интегрироваться в физическую среду.

Одним из первых в отечественном социологическом дискурсе данный термин принял Г.В. Осипов [18]. Позднее его стали применять к различным исследовательским полям – правоохранительному (М.В. Игошев, П.И. Рущенко), социальному управлению (Н.В. Водопьянов), политике (Д.В. Щеглова), социологии (Н.И. Лапин, И.В. Леусенко). В России даже проводится регулярная международная научно-практическая конференция «Эволюция общественных отношений в процессе российской модернизации: социетальный и региональный аспекты» (г. Пенза), хотя судя по содержанию сборников материалов конференции, у неё скорее социальная, нежели социетальная направленность.

В сферу безопасности этот термин был перенесён одним из основателей Копенгагенской школы безопасности Б. Бузаном, который собственно и сформулировал основные постулаты теории социетальной безопасности [4, р. 247]. Это понятие значительно детализирует измерение безопасности, связанное с обществом как объектом, отличным от государства. В основу понятия социетальной безопасности была положена более ранняя идея, указывающая на прямую связь между национальным чувством и государственной безопасностью. Под социетальной составляющей безопасности представители Копенгагенской школы понимают прежде всего «масштабную коллективную идентичность», которая может функционировать независимо от конкретного государства, такую как, например, нация или религия [5, р. 22–23].

И здесь авторы нащупывают её основную онтологическую проблему. Если с традиционно понимаемой военной безопасностью вроде бы все ясно: есть факторы защиты от угроз и мероприятия превентивного характера, то как определить, чем являются изменения в коллективной идентичности: ересью, несущей угрозу её существованию или необходимым этапом её развития. Социетальная безопасность была определена как способность общества сохранять свой сущностный характер в изменяющихся условиях под влиянием возможных и реальных угроз, что означает устойчивое развитие традиционных паттернов языка, культуры, сообщества, религиозной и национальной идентичности и обычая [10, р. 62]. Расширив понятие безопасности, исследователи, тем не менее, предупреждали, что здесь есть свои пределы, за которые нельзя переходить, чтобы не превратить понятие безопасности в неоправданно широкое [6, р. 20].

На сегодняшний день в работах большинства западных исследователей (Е.В. Abrahamsen, F. Asche, R. Endré Dahl, J. Hovden, S. Antonsen и др.) термин «социетальная безопасность» используется как «системный подход к пониманию, смягчению и реагированию на острые социальные проблемы, вмешательство в сложные и взаимозависимые системы сообществ или отсутствие доверия к жизненно важным социальным институтам» [7, р. 74]. Под социальными проблемами понимается увеличение числа мигрантов из стран третьего мира, влекущий за собой спад экономики, рост ксенофобии, националистических настроений, которые влияют на расстановку политических сил в странах Европы, а также угроза потери своей культурной идентичности. А ведь признание культурных ценностей и идентичности считается одной из важных потребностей человека [3].

В российском дискурсе понятие социетальной безопасности используется ещё точнее. Публикации по этой проблеме либо посвящены анализу концепций Т. Парсонса (В.И. Леусенко) и Копенгагенской школы (С.И. Чудинов), либо связаны с системой стандартов ISO, в которых есть специальный раздел 22300: 2012 Societalsecurity, регламентирующий систему действий в чрезвычайных ситуациях (В. Карпукhin, Т. Ляховец). Наиболее интересен подход к системе социетальной безопасности в статье М.Г. Шишаева, С.Ю. Яковлева [3], которые пытаются объединить техногенный подход с концептуальным гуманитарным осмыслением проблемы.

И культурный, и социетальный подходы к безопасности, в отличие от многих других направлений её исследования, центральной проблемой безопасности считают сохранение культурной коллективной культурной идентичности. В отличие же от культурной и социальной, концепция социетальной безопасности оперирует угрозами и рисками не только социальной, но различной природы, объединенных общим объектом – некоторым сообществом [22, с. 33].

Идентичность как основа культурной и социетальной безопасности. Итак, в основе трактовки социетальной безопасности, как, впрочем, и культурной, и конфессиональной, лежит

понятие идентичности. О социетальной безопасности говорят ещё как о «безопасности идентичности» [5, p. 121]. Концепт идентичности, будучи изначально философской категорией, применявшейся в психоаналитических исследованиях, стал общегуманитарным трендом и вытеснил на периферию научного дискурса целую линейку близких категорий, таких как раса или социальный класс [14]. Возможно именно поэтому он также является одним из самых обсуждаемых концептов, поскольку его критические зоны создают так называемые «проблемы с идентичностью» [14], повлёкшие за собой острые дискуссии в научных кругах. Одной из основных претензий, предъявляемых к понятию идентичности, является его сложность, неудобность, междисциплинарность использования, проблемы с верификацией и т.д.

Действительно, очень сложно состыковать разные подходы и разные «лики» идентичности, что, тем не менее, делает этот концепт операционально интереснее. Правда, некоторые исследователи считают, что не совсем корректно говорить о различных идентичностях человека, поскольку «существует множество идентификаций, идентичность же – одна» [21]. Однако стоит учитывать тот факт, и в этом ещё одна сложность этого концепта, что идентичность не является законченным продуктом социальной деятельности: это динамическая структура, направленность и изменения которой зависят от множества факторов. Это не устоявшаяся константа, а незавершённый процесс. В течение жизни происходит не только неоднократная корректировка идентичности, но и её трансгрессия. В русле парадигмы сложности Э. Морены мы должны учитывать, что конструирование не является простым суммированием идентичностей личности, как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Сложность определения и концептуализации идентичности заключается ещё и в том, что она лежит в плоскости между индивидуальным и коллективным и включает и то, и другое.

Тем не менее, несмотря на всю сложность данного концепта, он всё чаще становится центром понимания необходимых составляющих системы культурной, социокультурной или социетальной безопасности. Вслед за копенгагенской школой его используют как базовый для определения безопасности и другие исследователи. Глава Парижской школы Д. Биго определяет безопасность как устойчивость «необходимых условий для развития культуры, религии и национальной идентичности в целом» [2, p. 23]. А. Аппадурри сводит вопрос культурной безопасности к сохранению культурной идентичности [1, p. 320].

Почему вопрос культурной идентичности, несмотря на всю проблемность самого концепта идентичности, выходит за рамки проблематики культурного развития и становится одним из важнейших предметов исследования теории безопасности? Только ли по тому, что оба концепта ещё не достаточно определены, а проблемы не до конца концептуализированы? С одной стороны, это связано с процессами глобализации, унификации социума и в противовес усилению тенденций к сохранению культурного разнообразия, которое происходит, с одной стороны, путём фиксации, сохранения, архивации культурных традиций прошлого, практически не востребуемых в повседневной жизни, а с другой – превращения их в туристический симулякр: понятный, доступный, востребованный и осовремененный.

С другой стороны, в эпоху глобального модерна перенаправление культурных потоков дестабилизирует существующие модели идентичности, и в связи с этим меняет культурный ландшафт, что возбуждает националистические настроения. Культурная идентичность размывается, причём грань между естественными процессами развития культуры, новым этапом её развития и насильственным вмешательством, представляющим угрозу идентичности, становится весьма расплывчатой. Современный меняющийся мир всё чаще провоцирует трансгрессионные процессы, связанные с приобретением новой идентичности (смена пола, гражданства, конфессиональной принадлежности, профессиональной деятельности и т.д.). Люди с посттрансгрессионной идентичностью воспринимаются консервативным большинством как угроза, посыл к укреплению системы безопасности. Они разрушают привычные стандарты, в том числе изменяют коллективную культурную идентичность. Однако стоит учитывать, что усиление системы безопасности чревато как ограничениями свободы, так и ответными актами культурной трансгрессии.

В рамках системы социетальной безопасности коллективная идентичность является неким «цементом», связывающим социетальное сообщество. Эта связующая идентичность может быть не только этнической, государственной, конфессиональной, но и в определённых случаях региональной, когда человек воспринимает свой регион как социетальное сообщество.

Вместо заключения. Каспийский регион как объект социального исследования безопасности. Западные исследователи применяют социетальный подход преимущественно к европейским исследованиям. Они считают, что именно Европа представляет некое генерированное социетальное сообщество, состоящее из множества сообществ, в основе которых лежат разного рода идентичности. Сама же по себе Европа обладает некой общей европейской идентичностью, имеющей в своём основании общее историко-культурное пространство. Именно поэтому концепт социетальной безопасности считается пространственно ограниченным. Сохранение европейской культурной идентичности во многом обусловлено общеэкономическими проблемами, формирующими подчас плохо управляемые миграционные потоки, взаимозависимой экологической системой и т.д., что становится реальной угрозой для системы созданных европейцами благ. Считая концепт социетальной безопасности преимущественно европейским и североамериканским, так как именно эти регионы обладают наиболее сформированной системой благ, многие исследователи фиксируют его ограниченность в применении, поскольку в данном случае общечеловеческая безопасность выносится за скобки.

Однако в определённых случаях пространственная ограниченность концепции может служить операциональным преимуществом. Если применить её к Каспийскому макрорегиону, то она позволит посмотреть на известное всем пространство с иной стороны, рассматривая его как социетальное сообщество. Каспийский макрорегион – пространство, объединённое общим водным бассейном, вокруг которого возникают международные, культурные, экономические, экологические взаимосвязи. Практически все акторы данного макрорегиона имеют общее историко-культурное прошлое. И если ранее мы не могли говорить о формировании особой каспийской идентичности в силу того, что этот регион входил территориально сначала в Российскую империю, а потом в СССР, то на современном этапе формирование такой идентичности, основанной на понимании важности кооперации и коллективного решения совместных проблем, поможет создать систему безопасности, основанную на учёте основной массы факторов, представляющих региональные угрозы и риски, – систему социетальной безопасности.

Список литературы

1. Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* / A. Appadurai. – Minneapolis, 1996. – P. 314–367
2. Bigo, D. "Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Rubande Möbius (version française et anglaise présentées à la 38th ISA conference) / D. Bigo // *Cultures & Conflits*. – 1997. – № 5. – P. 23–27.
3. Burton, J. *Conflict Resolution and Prevention* / J. Burton. – New York : St. Martin's Press, 1990.
4. Buzan, B. Slippery? Contradictory? Sociologically untenable? The Copenhagen School replies / B. Buzan // *Review of International Studies*. – 1997. – Vol. 23, issue 2. – P. 241–250.
5. Buzan, B. *Security: A New Framework for Analysis* / B. Buzan, O. Wæver, J. Wilde. – Lynne Rienner Publ., 1998.
6. Buzan, B. *People, States and Fear* / B. Buzan. – 2nd ed. – Hertfordshire : Harvester Wheatsheaf, 1991. – P. 20.
7. Olsen, O. E. Societal Safety: Concept, Borders and Dilemmas / O. E. Olsen, B. I. Kruke, J. Hovden // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. – 2007. – № 15 (2). – P. 69–79.
8. Tadjbakhsh, S. *Human Security: Concepts and Implications* / S. Tadjbakhsh, A. Chenoy. – New York : Palgrave MacMillan, 2007.
9. United Nations Development Programme (UNDP). 1994 // *Human Development Report*. – New York, 2014. – Accessed on January 29,
10. Wæver, O. *Securitization and desecuritization* / O. Wæver // Lipschutz R. *On security*. – New York : Columbia University Press, 1995. – P. 62.
11. Абрамова, Н. А. Восток и запад: к вопросу о культурной безопасности / Н. А. Абрамова, К. С. Хатькова // *Россия и Китай: проблема стратегического взаимодействия*. – 2014. – № 14. – С. 121–124.
12. Грицков, Ю. В. Усложнение рисков как угрозы культурной безопасности / Ю. В. Грицков, Т. Караченцева // *Риск и безопасность. Социально-психологические аспекты*. – Екатеринбург, 2015. – С. 70–74.
13. Зборовский, Г. Е. *Общая социология* / Г. Е. Зборовский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Гардарики, 2004. – 592 с.
14. *Идентичность: личность, общество, политика* / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : Весь Мир, 2017. – 992 с.
15. Крапивенский, А. С. Организации территориального общественного самоуправления как социальный институт управления региональной культурной безопасностью / А. С. Крапивенский, О. И. Коло-

мок, Н. В. Зенина. – Режим доступа: <https://science-education.ru/pdf/2014/5/14934.pdf> свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

16. Леусенко, И. В. Методологические основания теории социальных норм в творчестве Т. Парсонса и задачи социетальной безопасности / И. В. Леусенко // Казанская наука. – 2011. – № 11. – С. 422–426.

17. Национальная педагогическая энциклопедия. – Режим доступа: <http://didacts.ru/termin/societalnyi.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

18. Осипов, Г. В. Общество как социетальная система / Г. В. Осипов // Социология. Основы общей теории. – Москва, 1998.

19. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 102.

20. Романова, А. П. Культурная безопасность в условиях гетеротопии / А. П. Романова, С. Н. Якушенок [и др.]. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2017.

21. Труфанова, Е. О. Человек в лабиринте идентичностей / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 13–22.

22. Шишаев, М. Г. Концептуальные основы оценки социетальной безопасности как фактора устойчивого развития региона / М. Г. Шишаев, С. Ю. Яковлев. – Мурманск : Мурманский арктический гос. ун-т, 2017. – С. 33.

References

1. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996, pp. 314–367.
2. Bigo D. Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaise présentée à la 38th ISA conference) [Security (s): Inside and Outside: the Möbius Ribbon (French and English version presented at the 38th ISA conference)]. *Cultures & Conflicts*, 1997, no. 5, pp. 23–27.
3. Burton J. *Conflict Resolution and Prevention*. New York, St. Martin's Press, 1990.
4. Buzan B. Slippery? Contradictory? Sociologically untenable? The Copenhagen School replies. *Review of International Studies*, 1997, vol. 23, issue 2, pp. 241–250.
5. Buzan B., Wæver O., Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers, 1998.
6. Buzan V. *People, States and Fear*. Hertfordshire: Harvester Wheatsheaf, 1991, 2nd ed., p. 20.
7. Olsen O. E., Kruke B. I., Hovden J. Societal Safety: Concept, Borders and Dilemmas. *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2007, no. 15 (2), pp. 69–79.
8. Tadjbakhsh S., Cheney A. *Human Security: Concepts and Implications*. New York, Palgrave MacMillan Publ., 2007.
9. United Nations Development Programme (UNDP). 1994. *Human Development Report*. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf.
10. Wæver O. Securitization and desecuritization. *Lipschutz R. On security*. New York, Columbia University Press, 1995, p. 62.
11. Abramova N. A., Khatkova K. S. Vostok i zapad: k voprosu o kulturnoy bezopasnosti [East and West: to the issue of cultural security]. *Rossiya i Kitay: problema strategicheskogo vzaimodeystviya* [Russia and China: the problem of strategic cooperation], 2014, no. 14, pp. 121–124.
12. Grickov Yu. V., Karachentseva T. Uslozhnenie riskov kak ugrozy kulturnoy bezopasnosti [Complicating risks as a threat to cultural security]. *Risk i bezopasnost. Sotsialno-psikhologicheskie aspekty* [Risk and safety. Socio-psychological aspects]. Ekaterinburg, 2015, pp. 70–74.
13. Zborovskiy G. Ye. *Obshchaya sotsiologiya* [General sociology]. Moscow, Gardariki Publ., 2004, 3rd ed., rev. and add., 592 p.
14. *Identichnost: lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: personality, society, politics]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow, Ves Mir Publ., 2017, 992 p.
15. Krapivenskiy A. S., Kolomok O. I., Zenina N. V. *Organizatsii territorialnogo obshchestvennogo samoupravleniya kak sotsialnyy institut upravleniya regionalnoy kulturnoy bezopasnostyu* [Organization of territorial public self-government as a social institution for the management of regional cultural security]. Available at: <https://science-education.ru/pdf/2014/5/14934.pdf>.
16. Leusenko I. V. Metodologicheskie osnovaniya teorii sotsialnykh norm v tvorchestve T. Parsonsa i zadachi sotsietalnoy bezopasnosti [Methodological foundations of the theory of social norms in the work of T. Parsons and the problem of societal security]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 2011, no. 11, pp. 422–426.
17. *Natsionalnaya pedagogicheskaya entsiklopediya* [National Pedagogical Encyclopedia]. Available at: <http://didacts.ru/termin/societalnyi.html>.
18. Osipov G. V. *Obshchestvo kak sotsietalnaya sistema* [Society as a societal system]. *Sotsiologiya. Osnovy obshchey teorii* [Sociology. Fundamentals of General Theory]. Moscow, 1998.
19. Parson T. Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya [The concept of society: components and their relationships]. THESIS, 1993, vol. 2, p. 102.

20. Romanova A. P., Yakushenkov S. N. et al. *Kulturnya bezopasnost v usloviyakh geterotopii* [Culture in the conditions of heterotopy]. Astrakhan, Izdatel Sorokin Roman Vasilevich Publ., 2017.

21. Trufanova Ye. O. Chelovek v labirinte identichnostey [Man in the maze of identities]. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2010, no. 2, pp.13–22. Available at: [http://vphil.ru/index.php?option=com_content &task=view&id=102](http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=102).

22. Shishaev M. G., Yakovlev S. Yu. Kontseptualnye osnovy otsenki sotsietalnoy bezopasnosti kak faktora ustoychivogo razvitiya regiona [Conceptual framework for assessing societal security as a factor in the sustainable development of the region]. Murmansk, Murmansk Arctic State University Publ., 2017, p. 33.